

DOI:10.15393/j9.art.2012.362

Ольга Анатольевна Бердникова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XX века
филологического факультета,
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
office@phil.vsu.ru*

РЕМИНИСЦЕНЦИИ, ЦИТАТЫ И МОТИВЫ ПСАЛТИРИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

Аннотация: Статья посвящена выявлению реминисценций, цитат и мотивов Псалтири в поэзии и прозе И. А. Бунина, что позволяет существенно уточнить спорный вопрос об основах его мировоззрения. Псалтирь становится основным прецедентным текстом в творчестве Бунина. Некоторые его стихотворения являются поэтическим переложением псалмов («Псалтирь», 1916; «России», 1922). Доминантные образы его поэзии — день и ночь — осознаются им как бытийные константы в силу их Божественной сотворенности. Ночь, особенно значимый и частотный образ всего творчества Бунина, воспринимается им как время самопознания и Богопознания, что соотносимо с мироощущением Псалмопевца. В прозаических произведениях, в которых Псалтирь читают по умершему человеку, смерть осознается как событие торжественное и величественное, а главным мотивом становится мотив вечности («Сосны», 1901, «Исход», 1918, «Преображение», 1923). Традиция Псалтири дарит Бунину поэтический образ для одного из самых концептуальных рассказов — «Воды многие» (1911—1926). В нем повествователь размышляет о вечном сквозь призму революционных потрясений в России 1917 года. В рассказе актуализируются весь спектр символики, содержащейся в Псалтири в образе «вод многих». Бунин декларирует предстояние человека Богу как глубоко христианское чувство. Его герой испытывает не только ужас, но, прежде всего, «любовь и радость бытия». Космологические, исторические и провиденциальные «сюжеты» и образы псалмов, наиболее актуальные для Бунина, демонстрируют принципиальную значимость православной традиции в его творческом сознании.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Псалтирь, мотивы, православная традиция

На сегодняшний день проблема «Бунин и христианская духовная Традиция» остается, пожалуй, самой дискуссионной. Безусловно, она не раз и в разные годы ставилась в научных исследованиях, в которых спектр оценок колеблется от признания «христианской доминанты» его мировоззрения (арх. К. Зайцев [5], Т. Кошемчук [9]) до полного «отказа» Бунину в близости к православному миропониманию (И. А. Ильин¹, М. М. Дунаев [3]). Острота и дискуссионность проблемы обусловлена и тем, что ряд исследователей считают возможным «обстроить» И. А. Бунина «по ведомству» буддизма, возводя его интерес и увлечение буддизмом на уровень религиозно-философских основ его мировоззрения (Т. Марулло [24], Г. Курляндская [10], Е. Смольянинова [20]). Общим местом буниноведения можно считать утверждение о пантеизме писателя, однако «пантеизм Бунина» именно в силу этого обстоятельства менее всего определим как четкое и творчески индиви-

дуальное понятие². Споры и непонимание в научной среде нередко возникают в связи с разностью методологических установок и подходов. Так, философское понимание Бога как некоего неопределенного Абсолюта приводит к утверждениям о присутствии в мировоззрении писателя некоей «религии общего Бога» (см. об этом: [21], [7]).

Хорошо известно, что, стремясь познать универсальные законы бытия, Бунин интересовался и увлекался разными религиозными учениями и искал общее в мировых религиях. Сложность вопроса о религиозной позиции Бунина, обусловившая столь различные точки зрения, на наш взгляд, во многом связана и с тем, что артистическая, обостренно чувственная природа бунинского художественного дара позволила ему действительно «познать тоску всех стран и всех времен». И кажется, что Бунину и «ислам близок», и буддизм свойствен, и языческие верования присущи. «Нет в творческом наследии великого русского художника того, что мы ищем в нем по аналогии с другими, — единой, все объясняющей и объединяющей схемы или системы» [14, 5], что, впрочем, характерно для большинства авторов XX в. Вместе с тем эта мысль исследователя справедлива лишь отчасти: системность есть необходимый показатель любого мировоззрения, тем более, если речь идет о «религиозном и христианском мировоззрении» [23, 262].

Существенно прояснить вопрос о религиозной позиции Бунина и оспорить некоторые «доктрины» буниноведения в значительной степени позволит исследование роли и значимости цитат, реминисценций и мотивов Псалтири в его художественном сознании. На наш взгляд, именно христианство, несмотря на всю противоречивость суждений писателя о нем³, глубоко и органично вошло в плоть и кровь его «духовно-душевно телесного существа» (Ф. Степун) [22]. Безусловно, в данной работе будут рассмотрены лишь отдельные грани этой обширной темы.

Псалтирь становится едва ли не основным прецедентным текстом в творчестве Бунина. Весьма значим и примечателен в этом отношении тот факт, что первая стихотворная книга И. Бунина «Под открытым небом» (1898), проторившая начинающему автору путь в столичную поэтическую среду, открывается стихотворением «Вечерняя молитва», имеющим эпиграф из псалма 18:

Небеса проповедуют славу Божию и о делах Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание⁴.

Эти слова по существу могут считаться эпиграфом ко всему творчеству Бунина, ибо афористично отражают его космологические представления и обозначают доминантные образы поэзии и прозы художника — день и ночь, воспринимаемые им как бытийные константы первотворения, сохраняющие память о Творце:

Ты властитель дня, Ты властитель ночи (Пс. 73:251).

Именно в Псалтири день и ночь разграничены по способу участия Бога в жизни мира и человека:

Днем ниспошет мне Господь милость Свою, и ночью вознесется к Нему песнь моя, молитва Богу, Владыке жизни моей... (Пс. 41:149).

Так и для лирического субъекта, и автора повествователя лирико-философских рассказов Бунина «каждый день — день радости и счастья», а ночь — время тайны и сокровенного общения с Богом:

Птицы о радости вечного Бога поют! (1, 100).

Но радость неба, свет и бирюза, / Еще свежей при утреннем норд осте (1, 221).

Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине (1, 100).

Что я один в безмолвном созерцанье, / Что всем я чужд и говорю — с Тобой (1, 105).

День и ночь в силу их Божественной принадлежности являются для Бунина «коммуникативными символами вечности» [17, 412], к которым приобщается человек каждым часом своей жизни. Ночь, особенно значимый и частотный образ всего творчества Бунина, осознается им как время самопознания и Богопознания, что соотносимо с утверждением Псалмопевца:

Ночью в сердце моем размышлял я и пытался познать дух мой (Пс. 76:257).

В ночи обостряется действие самой памяти о Нем:

Вспоминал я в ночи имя Твое, Господи... (Пс. 118:413).

Многие стихотворения Бунина⁵ становятся поэтической рефлексией по важнейшему мотиву Псалтири:

Ты — Бог, творящий чудеса! (Пс. 71, 76, 86, 87, 106).

Причем, как и в сознании Псалмопевца, чудом для Бунина является сам дарованный Творцом человеку Божественный порядок мироздания:

Тогда велит Господь, творящий чудеса, / Светилу новому взойти на небеса («Луна»)⁶.

Вот почему многие бунинские стихотворения действительно можно назвать «молитвенным диалогом-хваленьем, сплавленным с лирической исповедью» [16, 75].

Безусловно, в аспекте обозначенной темы программным следует считать стихотворение «Псалтирь» (1916)⁷, вводящее иную смысловую парадигму, связанную с цитацией Буниным Псалтири. Оно написано, по свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной⁸, на смерть С. Резвой, родственницы соседей помещиков по имени Буниных в Озерках.

ПСАЛТИРЬ

Бледно-синий загадочный лик
На увядшие розы поник.
И светильники гроб золотят,
И прозрачно струится их чад.
— Дни мои отошли, отцвели,

Я бездомный и чуждый земли:
 Да возрадует дух мой господь,
 В свет и жизнь облечет мою плоть!
 Если крылья, как птица, возьму,
 И низринусь в подземную тьму,
 Если горних достигну глубин, —
 Всюду Ты, и всегда, и един:
 Укажи мне прямые пути
 И в какую мне тварь низойти.

(I, 314—315)

Это сложное и глубокое произведение, интерпретация которого требует обязательного привлечения псалмодического источника, иначе можно трактовать как пример контаминации мотивов разных религий — христианской (только по названию) и буддийской (по смыслу). Такая версия появляется в исследовании, автор которого в последнем двустишье видит «буддийскую идею перерождения душ» [21, 195]. Прямолинейность данной трактовки не выдерживает критики: эта якобы буддийская строка как некая «механическая сцепка» вдруг ниоткуда возникает из глубоко христианского содержания и духа всего стихотворения, что совершенно неприемлемо для художественной логики и религиозного чувства Бунина. Между тем само заглавие стихотворения просто обязывает ученого обратиться к Псалтири как непосредственному первоисточнику его темы и образов. Так, Н. П. Саблина указывает на псалом 138 как возможный источник этого стихотворения, которое она называет «лирическим шедевром о победе жизни над смертью», где «смерть есть восстание, воскресение в новую жизнь», смерть как «покой до Суда» [18, 15—16], но исследователь лишь констатирует основной пафос произведения Бунина.

В стихотворении «Псалтирь» изображено чтение Псалтири по умершему, согласно православной традиции, при этом удивительно точно «музыку» чтения Псалтири передает здесь медлительный и напевный анапест. На мотивном уровне действительно можно найти образы псалма 138:

Если взойду на Небо, Ты, Господи, там; если сойду во ад, Ты снова там; Если взмахну крылами моими на заре и полечу за дальние моря, И там рука Твоя направит меня и удержит меня десница Твоя (Пс. 138:467).

Святитель Иоанн Златоуст так комментирует эти строки: «Исчисляя места Горние и дольные, широту и долготу, глубину и высоту, он показывает, что Бог присутствует везде», т. е. «...Бог не только ограждает и охраняет, но и совершает это сверхъестественно» [19, 519], отсюда восклицание псалмопевца:

Чудны дела Твои, и ведомо это душе моей (Пс. 138:468).

В тексте псалма 138 речь идет о Всеведении Господа, уразумевшего с высоты помыслы человека, стезю его жизни и «предел ее», и все пути его «провидел». В этом Всеведении и Всемогуществе Бога сочетаются, по мысли святителя Иоанна Златоуста, «творчество Его» и «промышление» о человеке. В последних строках бунинского стихотворения о готовности его героя «низойти в тварь», на наш взгляд, выражено абсолютное и совершенное доверие человека Богу, указывающего ему «прямые пути», что очень точно соответствует глубинному чувству псалмопевца, совершенно уверенного в даруемой Богом способности «взмахнуть крылами на заре» и полететь «за дальние моря».

Вместе с тем в стихотворении «Псалтирь» «собраны» лейтмотивы многих песен Псалтири, обозначенные либо в точной цитации («да возрадуется дух мой Господь»), либо в поэтическом переложении наиболее частотного и варьируемого стиха Псалтири («Всюду Ты, и всегда, и един»), утверждающего Всеведение Господа. На мотивном уровне не менее актуален и псалом 118 (Кафизма 17), который, согласно православной догматике и обряду, вошел в чин погребения. Уже его первый стих содержит образ, столь важный в этом стихотворении: «Блаженны непорочные на путях своих, соблюдающие закон Господен» (Пс. 118:407), а искание «правого пути» (у Бунина «прямого») человеком, предстоящим перед лицом Божественного Закона, есть главная тема этого псалма, в последней части которого настойчиво звучит его лейтмотив:

Судом Твоим даруй мне жизнь!.. Господи, по милости Твоей даруй мне жизнь!
(Пс. 118:428).

Суд и Милость Бога как бы гарантируют человеку и бессмертие души после смерти, и будущее воскресение в новую «жизнь и плоть», и победу над правящей в мире смертью.

В прозаических произведениях, где Псалтирь читают по умершему человеку, праведно прожившему жизнь, смерть неизменно осознается как событие торжественное и величественное, а главным доминирующим мотивом становится мотив вечности: «Сосны» (1901), «Исход» (1918), «Преображение» (1923). Так, в рассказе «Преображение» чтение Псалтири по умершей матери погружает ее сына Гаврилу в «преображенный мир», противопоставленный «презренному в своей животности и бренности» миру живых. Это преобразование Бунин сравнивает с «некоей литургией», которая «совершается в его герое» — «в нем самом и перед ним». «Дыхание» покойницы («он знает... что это морозный ветер дует в окно... что это он поддувает покров и раздувает свечи» (IV, 230—231)) символизирует дыхание самой вечности, которую вдруг — в прямом смысле — именно ощутил Гаврил в эту ночь. Так в ночь чтения Псалтири к вечности общаются не только мертвые, но и живые⁹. Именно поэтому Бунин

в рассказе «Исход» избирает тот фрагмент, который содержит прославление Господа:

Тишка, сын церковного сторожа Семена, умытый, причесанный, в новой поддевке, жалостно и поспешно читал псалтырь. «Хвалите Господа с небес, — читал он, подражая черничкам, — хвалите его все ангелы его, хвалите Его все воинства его... (IV, 174).

По иному связаны Псалтырь и тема смерти / жизни в «Суходоле» (1911): здесь старший из рода Хрущевых — дедушка Петр Кириллович, одержимый страхом и предчувствием гибели от руки Герваськи, накануне своей смерти, стоя перед «аналоем, перед зажженными на нем восковыми свечками, глядя на черный образ Меркурия», вспоминает (в неточной цитации) слова из псалма 33:

...смерть грешнику люта... Да не зайдет солнце в гневе нашем (III, 141).

Его смерть воспринимается исполнением пророчества псалмопевца о «лютой смерти грешников», а разбитая голова становится профанной проекцией безглавого Меркурия Смоленского — небесного покровителя рода Хрущевых¹⁰. Такой же лютой оказывается и смерть Петра Петровича — та же разбитая голова, но уже от копыт лошади. При этом одинаковая гибель отца и сына связана общим мотивом (и по сути становится последствием) незаконной любовной связи. Не случайно в «Суходоле» так значима тема сумасшествия («потери головы») от любви. В этой повести Псалтырь значима для Бунина как та «старая книга» (лейтмотивный образ его творчества), в которой содержатся вечные и «простые истины», провиденциально определяющие судьбы людей всех времен.

Псалтырь особенно важна для формирования метаисторизма Бунина, в основе которого лежит христианское представление о том, что «есть третья сторона жизни — глубина — где весь мир уже видится как озаренный Божьим светом. И только в этой глубине понимания мира, как творения Божьего, хотя и «лежащего во зле», но прежде всего лежащего в Боге, история человечества перестает быть только «скверной», подчиненной лишь одной грешной человеческой или демонической воле... Над всякой силой мира встает всегда сила и воля Творца... И эта высшая сила *допускает или благословляет* те или иные события мира, выявляя человеческую свободу, открывая цель истории» [6, 394].

Обращение к Псалтири позволяет существенно уточнить в этом аспекте особенности мировоззрения писателя, в частности, достаточно распространенное в исследованиях о Бунине утверждение о том, что в стихах Бунина «создается только образ Бога Карающего Ветхого Завета, а Бог Милующий Нового Завета был ему неведом» [3, 490]. Между тем в традиции Псалтири «Милость и Кара» — это две неразрывные «функции» Господа Сил, о чем «говорят» практически все Песни Псалтири:

Однажды слышал я: изрек Бог две истины: что у Бога — сила, И что у тебя, Господи, милость, ибо Ты воздашь каждому по долгам его! (Пс. 61:205—206).

Твою милость и суд воспою, Господи! (Пс. 100:337).

И да вознесется *карающая* десница Твоя! Правда и суд — основание Престола Твоего; милость и истина шествуют пред лицом Твоим (Пс. 88, 305).

Глубокая богословская интуиция Бунина, понимающего сочетание в «Карающей Деснице» Господа «Правды, Истины, Суда и Милости», особенно проявилась в стихотворении «России» (1922). Это короткое стихотворение, написанное по мотивам псалма 136 («На реках Вавилонских»¹¹), вполне сохраняет «провиденциальность, дидактизм и удивительную образную метафоричность» [11, 29] источника, а фактор адресации (не «Россия», а «России») усиливает обличительный пафос авторского голоса. Точная цитата из этого самого известного и перелагаемого в русской поэзии псалма достаточно легко узнается в стихотворении:

РОССИИ

О, слез невыплаканных яд!
 О тщетной ненависти пламень!
 Блажен, кто раздробит о камень
 Твоих, блудница, новых чад,
 Рожденных в лютые мгновенья
 Твоих утех — и наших мук!
 Блажен тебя разящий лук
 Господнего святого мщенья!¹²

По мнению Т. Г. Мальчуковой, псалмодическая тенденция обнаруживает себя как реакция на события, судьбоносные для истории России [13, 115], и появление этого стихотворения как реакция на «погибель России» вполне подтверждает это утверждение. Святитель Иоанн Златоуст дает интересный исторический комментарий, позволяющий раскрыть не только глубинный смысл самого псалма, но и стихотворения Бунина:

Вместе с вавилонянами тогда напали на иудеев и аравитяне... которые, несмотря на свое с ними родство, поступали хуже врагов [19, 507].

Так имплицитно возникает у Бунина указание на родство двух противостоящих лирических субъектов стихотворения: «Ты, блудница», в облике которой предстает Россия, изменившая Иерусалиму, т. е. своему духовному, христианскому предназначению, и «мы», изгнанные с родной земли, бывшие когда-то частью народного целого.

Примечательно, что первая строка бунинского стихотворения противоречит начальной строке псалма 136:

На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали мы Сион — «О, слез невыплаканных яд! (Курсив наш. — О. Б.).

Святитель Иоанн Златоуст так комментирует начало псалма:

Не просто плакали, но сделали из этого постоянное занятие: для того садились, чтобы плакать и рыдать. Почему же не позволялось им петь на чужой земле? Потому что нечистым ушам не следовало слышать этих таинственных песнопений [19, 506].

Этот заменяющий песни плач освобождал души от тяжести разлуки с родной землей и «лишения собственного богослужения». «Невыплаканные слезы» в бунинском стихотворении, напротив, рожают «яд», жгущий душу, отравляющий ее «тщетной» ненавистью. Именно осознание тщетности и бесплодности ненависти по отношению к столь любимой Буниным России рождает призыв к наказанию, идущему не от «нас», мучающихся, а поэтому мстящих, но от высшего Судии, «мщение» Которого единственно справедливо и «свято». Именно сакральные источники обусловили тему праведности Божьего гнева и Божьей кары:

Суды Господни истинны, праведны во всем (Пс. 19:73).
 Праведен Ты, Господи, и правы суды Твои (Пс. 118:427).

Чрезвычайно значимым при этом становится тот факт, что точная цитата заключительной строки псалма 136 («Блажен, кто имеет и разбьет младенцы твои о камень»)(Пс. 136:463)) символизирующей ветхозаветный закон мести, в тексте бунинского стихотворения из восьми строк помещается в 3-ю и 4-ю строки, а «младенцы» заменяются на «чада». Замена этого слова особенно значима: В. И. Даль указывает на старое русское слово «чадь», обозначающее «челядь», «дружина», «ополчение», «воины» [2, 580—581], и это влечет за собой существенное уточнение смысла и обличительного пафоса стихотворения. «Господнее святое мщенье» направлено не на младенцев, а новых «воинов» России, т. е. той части ее народа, которая оказалась втянутой в «страшную воронку» (М. Цветаева) революции. «Сила Божия не в избавлении от бедствий, но в ниспослание бедствий на самих победителей» — эти слова Святителя Иоанна Златоуста как нельзя более точно характеризуют истинный смысл того «Господнего святого мщенья», которое призывается в стихотворении Бунина на «новых чад» блудницы России. Вместе с тем венчающее стихотворение И. Бунина единственно возможное справедливое возмездие становится своеобразным катарсисом, призванным освободить души от чувства «тщетной ненависти». Очень важно, что Святость такого Мщения таит в себе потенцию к покаянию: не случайно псалом 136 поется в православной церкви за вечерним богослужением в течение трех суббот, предшествующих Великому посту.

Традиция Псалтири дарит Бунину поэтический образ, давший заглавие одному из его самых концептуальных рассказов — «Воды многие» (1911—1926). Автор повествователь, находящийся в морском путешествии и созерцающий Синай и другие святыне для христианского мира земли, размышляет о вечном и истинном сквозь призму революционных потрясений в России. Здесь «русский катаклизм 1917

года» (Ж. Нива) осмыслен как очередной «дерзкий пересмотр» человеком Синайских скрижалей, принципиально невозможный, по мысли Бунина, как раз в силу их вечности и единственной истинности.

В рассказе актуализируются весь спектр символики, содержащейся в Псалтири в образе «Вод многих»: это и подвластная Богу пучина, и «бездна бездн» («от века и до скончания времен светоносный океан» (IV, 463)), и бездна грехов «сынов человеческих», и «житейский мятеж» как полный потрясений жизненный путь человека и всего человечества¹³.

Бог и устремленная к Нему душа человека становятся главной темой «Вод многих», где Бунин как бы воспроизводит диалогизм Псалтири и проецирует тем самым образ псалмопевца на образ автора-повествователя — мыслителя, свидетеля и участника исторических потрясений, поэта. Автор повествователя находится в двух измерениях — конкретно-историческом и метаисторическом:

И я был в страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь к Тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно Твое! (IV, 470).

Отсюда, эпиграф к рассказу «Господь над водами многими» и точная цитата из псалма 76 «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» (IV, 470) в его финале являются поэтическим обрамлением, задающим основную интонацию и стилистику всего текста. Все переживания и размышления в «Водах многих» сливаются в лейтмотив прославления Бога и благодарности Ему за «истинное блаженство» пребывания в райски прекрасном земном мире:

Продли, Боже, сроки мои! (IV, 450).

Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну! (IV, 457).

Как мне благодарить Тебя? (IV, 470).

Итак, «ссылки» на Псалтирь, вполне узнаваемые мотивы, прямая или косвенная цитация, во множестве представленные в творчестве Бунина, придают его мировоззрению православную направленность. В поэзии и ряде прозаических произведений Бунин декларирует предстояние человека Богу как глубоко христианское чувство пребывания в мире, в котором человек испытывает не только «ужас, покаяние, отчаяние» (VI, 432), но, прежде всего, «любовь и радость бытия» (I, 101). В этом смысле Псалтирь как «Книгу Хвалений» и многие бунинские стихотворения и рассказы сближают общий пафос и интонационный строй. Безусловно, будучи человеком XX в., И. А. Бунин, как многие его современники, пережил сомнения, экзистенциальное томление, богоборческие настроения, отразившиеся во многих его произведениях. Но он обладал особым «библейским мироощущением» [8], позволившим ему в главном мыслить и чувствовать как художник христианской духовной традиции. В этом отношении его духовно творческий путь «есть замечательное обнаружение человеческого религиозного опыта» [5, 245].

Примечания

- ¹ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 2.
- ² Проблема пантеизма И. А. Бунина подробно рассмотрена в монографии: [1].
- ³ Известный современный буниновед Ю. Мальцев стремится обозначить противоречивость в отношении Бунина к христианству на протяжении всего его творческого пути и приходит к выводу о том, что «в старости писатель выработал нечто вроде собственной религии, в которой Богом было человеческое Я, однако это суждение представляется недоказанным, а по существу и неверным. См. об этом: [12, 34].
- ⁴ Псалтирь на церковно-славянском языке с параллельным переводом на русский язык. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. С. 71. Тексты псалмов цитируются по этому изданию с указанием номера псалма и страницы.
- ⁵ Архимандрит Кирилл Зайцев отмечает крайне значимую в духовном отношении закономерность творчества Бунина — достаточно автономное и во многом разнонаправленное развитие поэзии и прозы: «...Он болел вопросами вечными с большей... силой и напряжением, чем когда-нибудь ранее. Однако именно в силу сложности и напряженности религиозных исканий поэта, всю религиозную проблематику он оставляет за скобками текущей писательской работы, как прозаика». См. об этом: [5, 108].
- ⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1. С. 352. Тексты произведений Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
- ⁷ Б. К. Зайцев отмечает особую значимость 1916 г. в творческом развитии Бунина: «Наивысший расцвет стихов Бунина — 1916 год. Самые сильные, мрачные, полновесные пьесы написаны накануне гибели той России, которая его родила и чью гордость он сейчас составляет... Их общее настроение — трагедия, надвигающаяся туча, — хотя говорят они о самом разном. Среди них есть перлы». См.: [4, 411].
- ⁸ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. С. 611.
- ⁹ Мотив «умерших, но живых все-таки» (IV, 469) характерен для многих произведений Бунина: «Легкое дыхание», «Воды многие», «Жизнь Арсеньева» и др.
- ¹⁰ См. о художественной функции иконы Меркурия Смоленского в «Суходоле» в статье: [14].
- ¹¹ Вполне возможно, что актуализировать в сознании Бунина образы псалма 136 могло и издание в 1917 г. книги «У рек Вавилонских. Национально-еврейская лирика в мировой поэзии» (М.: Сафрут, 1917), куда Бунин по просьбе Л. Б. Яффе послал три своих стихотворения на библейские темы: «Долина Иоасафага», «Гробница Рахили», «Иерусалим» См.: И. А. Бунин. Письма. 1905—1919 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 738.
- ¹² Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1994. Т. 1. С. 347.
- ¹³ Отсюда столь значимы в стихах и прозе Бунина аллегорические образы корабля, матросов и капитана («Господин из Сан Франциско», «Братья», «Сны Чанга»). Эта символика будет востребована писателем и в одном из самых последних произведений, в котором он подводит жизненные и творческие итоги — рассказе «Бернар» (1952).

Список литературы

1. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Боловитинова, 2009. 272 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989—1991.

3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. М.: Христианская литература, 1996—2000.
4. Зайцев Б. К. Бунин (Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 года) // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. С. 409—413.
5. Зайцев К. И. А. Бунина. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 268 с.
6. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 574 с.
7. Караганова М. М. Проблема человеческого существования и ее образное воплощение в лирике И. А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2000. 23 с.
8. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998. 113 с.
9. Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 280 с.
10. Курляндская Г. Б. Тургенев и Бунин. Воспроизведение действительности и ее преобразование — проблема авторства // Тургеневский ежегодник. Орел: Издательский Дом Орлик, 2006. С. 5—9.
11. Луцевич Л. Ф. Псалтирь в ранней книжности в литературе XVIII в. // Христианство и русская литература. Сборник четвертый. СПб.: Наука, 2002. С. 24—67.
12. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870—1953. Франкфурт-на-Майне. М.: Посев, 1994. 432 с.
13. Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х годов // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. С. 91—115.
14. Никонова Т. А. «Душа русского человека в глубоком смысле» (Повесть «Суходол») // Царственная свобода: О творчестве И. А. Бунина: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: «Квадрат», 1995. С. 63—68.
15. Никонова Т. А. О смысле человеческого существования в творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин: Диалог с миром: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Полиграф, 1999. С. 5—16.
16. Ничипоров И. Б. Жанр молитвы в поэзии И. А. Бунина // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И. А. Бунина. Орел: ПФ «Картуш», 2005. С. 73—77.
17. Рафаил (Карелин), архимандрит. Христианство и модернизм. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. 462 с.
18. Саблина Н. П. «Не слышатели забывливы слова, но творцы». Органическое православие русской поэзии // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1999. С. 3—25.
19. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. 633 с.
20. Смольянинова Е. Б. Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 26 с.
21. Спивак Р. С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 407 с.
22. Степун Ф. А. Иван Бунин // Встречи. М.: Аграф, 1988. С. 87—102.
23. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. СПб.: Алетейя, 2000. С. 256—286.
24. Marullo T. G. «If You see the Buddha». Studies of Ivan Bunin. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1998. 208 с.

Olga Anatol'evna Berdnikova

*Doctor of Philology, Professor,
Department of 20th century Russian Literature,
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
office@phil.vsu.ru*

REMINISCENCES, QUOTATIONS AND MOTIFS OF THE PSALTER IN THE WORKS OF I. A. BUNIN

Abstract: The article examines the reminiscences, quotations and motifs borrowed from the Book of Psalms by I. A. Bunin in his poetry and prose. Discovering such reminiscences and quotations helps to clarify some debatable issues of the writer's personal position and outlook. The Book of Psalms acts as a major text of precedence in Bunin's works. Some of his poems are poetic variations of psalms (*The Psalter*, 1916; *To Russia*, 1922). Day and night as dominant images of Bunin's poetry are viewed as constants of being due to their creation by God. Night as an especially important and most frequent image in the whole heritage of I.A. Bunin becomes for him the time of self-knowledge and discovery of God, which is quite consistent with the poetic world of the Psalmist. In Bunin's prose, reading from the Book of Psalms often appears after a character dies. Death is thus viewed as a solemn and majestic event, and eternity becomes the main motif of such stories as *The Pine Trees* (1901), *The Exodus* (1918), *Transfiguration* (1923). It is from the psalmodic tradition that the title of one of Bunin's most conceptually important stories comes — *many waters* (1911—1926). In this story, the author views the eternal through the lens of revolutionary perturbations in the 1917 Russia. The whole host of symbols associated in the Book of Psalms with 'many waters' finds a new life in Bunin's story. The author shows facing God as a profoundly Christian feeling. His protagonist feels not only fear, but primarily "the love and joy of being". Cosmological, historical and providential 'plots' and images borrowed from the psalms prove that the Orthodox tradition was very important for Bunin's creative consciousness.

Keywords: Bunin, Book of Psalms, motif, Orthodox tradition

References

1. Berdnikova O. A. «*Tak sladok serdtsu Bozhiiy mir*»: *Tvorchestvo I. A. Bunina v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii* ["*The Peace of God is so Sweet for the Heart*": *Ivan Bunin's Creativity in the Context of the Christian Spiritual Tradition*]. Voronezh, E. A. Bolkhovitinov's Publ., 2009. 272 p.
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [*The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols.*]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989—1991.
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura: v 6 chastyakh* [*Orthodoxy and Russian Literature: in 6 Parts*]. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 1996—2000.
4. Zaytsev B. K. Bunin (Rech' na chestvovanii pisatelya 26 noyabrya 1933 goda) [Bunin (the Speech in the Honour of the Writer Given on November 26th 1933)]. *Ivan Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [*Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and Creativity of Ivan Bunin in the Appreciation of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology*]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001, pp. 409—413.
5. Zaytsev K. I. A. *Bunin. Zhizn' i tvorchestvo* [*Ivan Bunin. The Life and Art*]. Berlin, Parabola Publ., 1934. 268 p.
6. St. John of San Francisco (Shakhovskoy), archbishop. *Izbrannoe* [*The Selected Works*]. Petrozavodsk, Svyatoy ostrov Publ., 1992. 574 p.
7. Karaganova M. M. *Problema chelovecheskogo sushchestvovaniya i ee obraznoe voploshchenie v lirike I. A. Bunina. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [*The Problem of*

- Human Existence and its Imaginative Reflection in Ivan Bunin's Lyrics*. PhD philol. sci. diss. abstract]. Vologda, 2000. 23 p.
8. Karpenko G. Yu. *Tvorchestvo I. A. Bunina i religiozno-filosofskaya kul'tura rubezha vekov* [Art Work of Ivan Bunin and Religious-Philosophical Culture of the Edge of the Centuries]. Samara, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities Publ., 1998. 113 p.
 9. Koshemchuk T. A. *Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste* [Russian Literature in the Orthodox Context]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009. 280 p.
 10. Kurlyandskaya G. B. Turgenev i Bunin. Vosproizvedenie deystvitel'nosti i ee preobrazovanie — problema avtorstva [Turgenev and Bunin. Reproduction of Reality and its Transformation the Problem of Authorship]. *Turgenevskiy ezhegodnik* [Turgenev's Yearbook]. Orel, Izdatel'skiy Dom Orlik, 2006, pp. 5—9.
 11. Lutsevich L. F. Psaltir' v ranney knizhnosti v literature XVIII v. [Psalter of the Early Bookishness in the Eighteenth Century Literature]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 24—67.
 12. Mal'tsev Yu. *Ivan Bunin. 1870—1953* [Ivan Bunin. 1870—1953]. Frankfurt am Main, Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
 13. Mal'chukova T. G. Parafrazy psalmov v russkoy poezii 1820-kh godov [Paraphrases of Psalms in Russian Poetry of 1820-s]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001. Vol. 6: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th—20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 3, pp. 91—115.
 14. Nikonova T. A. «Dusha russkogo cheloveka v glubokom smysle» (Povest' «Sukhodol») [“The Soul of the Russian in the Deepest Sense” (The Story “Dry Valley” by Ivan Bunin)]. *Tsarstvennaya svoboda: O tvorchestve I. A. Bunina* [Regal Freedom: On the Art Work of Ivan Bunin]. Voronezh, Kvadrat Publ., 1995, pp. 63—68.
 15. Nikonova T. A. O smysle chelovecheskogo sushchestvovaniya v tvorchestve I. A. Bunina [On the Meaning of Human Existence in the Works of Ivan Bunin]. *I. A. Bunin: Dialog s mirom* [Ivan Bunin: Dialogue with the World]. Voronezh, Poligraf Publ., 1999, pp. 5—16.
 16. Nichiporov I. B. Zhanr molitvy v poezii I. A. Bunina [The Genre of Prayer in Ivan Bunin's Poetry]. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: traditsii i novatorstvo* [The Artistic Heritage by Ivan Bunin: Traditions and Innovation]. Orel, Kartush Publ., 2005, pp. 73—77.
 17. Raphael (Karelin), Archimandrite. *Khristianstvo i modernizm* [Christianity and Modernism]. Moscow, The Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1999. 462 p.
 18. Sablina N. P. «Ne slyshateli zabytlyiv slova, no tvortsy». Organicheskoe pravoslavie russkoy poezii [Organic Orthodox of Russian Poetry]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 3—25.
 19. John Zlatoust, St. *Besedy na psalmy* [Discourses on the Psalms]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2005. 633 p.
 20. Smol'yaninova E. B. *Buddiyskiy Vostok v tvorchestve I. A. Bunina*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Buddhistic East in Ivan Bunin's Art Work. PhD philol. sci. diss. abstract]. Saint-Petersburg, 2007. 26 p.
 21. Spivak R. S. *Russkaya filosofskaya lirika. 1910-e gody. I. Bunin, A. Blok, V. Mayakovskiy* [Russian Philosophical Lyrics. 1910s. Ivan Bunin, Alexander Blok, Vladimir Mayakovskiy]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2003. 407 p.
 22. Stepun F. A. Ivan Bunin [Ivan Bunin]. *Vstrechi* [The Meetings]. Moscow, Agraf Publ., 1988, pp. 87—102.
 23. Heidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [The Basic Problems of Phenomenology]. *Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Metaphysics Research Lab of the St. Petersburg State Universitii's Philosophical Faculty]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2000, pp. 256—286.
 24. Marullo T. G. «If You see the Buddha». *Studies of Ivan Bunin*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 1998. 208 p.